

Калашников Владимир Борисович, студент магистратуры. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. 109028. vbkalashnikov@edu.hse.ru

Kalashnikov, Vladimir Borisovich, master's degree student. The National Research University Higher School of Economics, Miasnickaia ul., 20, 109028 Moscow, Russian Federation. vbkalashnikov@edu.hse.ru

ГРУЗИНСКИЙ ПОСТКОНСТРУКТИВИЗМ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И КОЛОНИАЛЬНОЕ В АРХИТЕКТУРЕ 1932–1937 ГОДОВ

GEORGIAN POST-CONSTRUCTIVISM: NATIONAL AND COLONIAL IN ARCHITECTURE OF 1932–1937

Аннотация. «Постконструктивизм» в советской архитектуре, получивший наиболее целостную оценку в недавней монографии Александры Селивановой, отдельно определяет период развития советской архитектуры рамками 1932–1937 гг. В то время как серьезно исследуются архитектурные процессы в Москве и других крупных городах СССР, слабо изученной остается ситуация на периферии и в национальных республиках. Однако именно на примере национальных республик можно наиболее подробно рассмотреть взаимоотношения между центром и регионами на архитектурном и градостроительном «поле» – предмет, весьма слабо изученный в советской архитектуре. Наконец, за рамками сегодняшних исследований постконструктивизма находится проблема формирования национальных стилей в советских республиках. Все это объясняет необходимость более детального изучения специфики постконструктивизма – его региональных особенностей. Так, период постконструктивизма в Грузии имеет несколько иные выражения и особенности, отличные от обще-советских тенденций, описанных А. Селивановой. Обращаясь к научным работам, текстам статей, выступлениям архитекторов, а также художественной критике того времени, исследование предполагает историографический анализ формирования национального стиля Грузии в рамках архитектурной теории. Применяя в первую очередь социально-исторический и формально-стилистический методы, исследование выводит ряд принципиально важных моментов относительно архитектурного метода, согласно которому формировался национальный стиль Грузии. Метод, будучи изначально программной установкой из Москвы, политическим заказом, был значительно переработан и впоследствии искажен уже в рамках грузинской архитектурной практики. Грузинский постконструктивизм, ставший результатом взаимовлияния партийных установок из Москвы и собственной архитектурной практики Закавказского региона, получил к 1937 г. ряд специфических черт и приемов, позволяющих говорить о нем как об отдельном подстиле в рамках постконструктивизма.

Ключевые слова: советская архитектура; сталинская архитектура; сталинский ампи́р; архитектура национальных республик; архитектура Грузии; архитектура Закавказья.

Abstract. In Soviet architecture, “Post-constructivism” matched the 1932–1937 period. While the experts examine the architectural processes in Moscow and other major cities of the USSR, the situation in the regions and national republics has remained poorly studied. However, the example of national republics shows the relationship between the center and regions in great detail in the context of architectural and urban planning problems — a subject that is also very poorly studied in Soviet architecture. Finally, the problem of the formation of national styles in the Soviet republics is beyond the scope of today’s studies of post-constructivism. All this explains the need for a more detailed study of the specifics of post-constructivism and its regional features. Thus, the period of post-constructivism in Georgia has a slightly different image and features that depart from the General Soviet trends described by A. Selivanova. Referring to scientific works, texts of articles, speeches of architects, as well as art criticism of that time, the author suggested a historiographical analysis of the formation of the national style of Georgia within the framework of architectural theory. Applying primarily socio-historical and formal-stylistic methods, the author brought out a number of fundamentally important points regarding the architectural method according to which the national style of Georgia was formed. The method, being initially imposed from Moscow, was significantly reworked and subsequently changed in Georgian architectural practice. By 1937, Georgian post-constructivism, which was the result of the mutual influence of party policies from Moscow and local architectural practice in the Transcaucasian region, received some specific features and techniques that allow us to speak of it as a separate sub-style of post-constructivism.

Keywords: Soviet architecture; Stalinist architecture; Stalin empire style; architecture of the national republics; Georgian architecture; architecture of the Caucasus.

Постконструктивизм в советской архитектуре, получивший наиболее целостную оценку в недавней монографии Александры Селивановой [20], отдельно определяет период развития советской архитектуры рамками 1932–1937 гг. Именно в это время использовалась общая «азбука» деталей и элементов, не похожая ни на архитектуру авангарда, ни на утвердившуюся позже стилистику сталинской неоклассики. Обращение к классике после 1932 г. воспринималось идеологами авангарда не как кризис, а как новый культурно-художественный этап в рамках

общей преемственности. При смене внешней стилистики метод и подходы воплощения архитектуры остались такими же и стали совпадать с процессами на Западе, что привело к некоторому созвучию, позволяющему говорить о советском ар-деко. Тем не менее в последних исследованиях постконструктивизм рассматривается как общее явление для всей советской архитектуры. В них предметом зачастую выступают архитектурные и культурные процессы в Москве и других крупных городах СССР, но игнорируется ситуация на периферии и в национальных

Илл. 1. Здание газеты «Заря Востока» в Тбилиси. Арх. Д. Числиев. 1929. Источник: <https://pastvu.com/>

республиках. Однако именно на примере национальных республик можно наиболее подробно рассмотреть взаимоотношения между центром и регионами на архитектурном и градостроительном «поле» – предмет, весьма слабо изученный в советской архитектуре. Наконец, за рамками сегодняшних исследований постконструктивизма находится проблема формирования национальных стилей в советских республиках. Все это объясняет необходимость более детального изучения специфики постконструктивизма – его региональных особенностей. Так, период постконструктивизма в Грузии имеет несколько иные выражения и особенности, отличные от обще-советских тенденций, описанных А. Селивановой. Грузинский постконструктивизм, ставший результатом взаимовлияния партийных установок из Москвы и собственной архитектурной практики закавказского региона, получил к 1937 г. ряд специфических черт и приемов, позволяющих говорить о нем как об отдельном подстиле в рамках постконструктивизма.

Важно отметить, что многие институциональные механизмы сложились уже в конце 1920-х гг., что и объясняет необходимость кратко описать архитектурные процессы Грузии второй половины этого десятилетия.

Основание Тифлисской академии художеств с архитектурным отделением при ней, появление архитектурной специальности при политехническом факультете Тифлисского государственного университета в мае 1922 г. (в 1928 г. этот факультет будет присоединен к Грузинскому политехническому институту, где преподавал М. Непринцев, с 1930 г. – А. Кальгин) – все это первые шаги к созданию базы профессиональной архитектурной подготовки, так как до революции в Грузии не было высшего учебного заведения, готовящего специалистов в

области изобразительных искусств и архитектуры. В академии художеств под руководством ее ректора академика Г. Чубинашвили наряду с освоением классического наследия особое внимание уделялось изучению грузинского исторического зодчества, что впоследствии отразится в практике грузинских архитекторов. Надо отметить, что архитектурное образование на этих факультетах уже с начального периода было построено на твердой научной основе. Все архитекторы старшего поколения (А. Кальгин (1875–1943), Н. Северов (1887–1957), Г. Тер-Микелов (1874–1949), М. Калашников (1886–1969), М. Непринцев (1877–1962)) получили специальное архитектурное образование задолго до революции, главным образом в петербургском Институте гражданских инженеров. Именно они стали преподавателями в открывшихся архитектурных отделениях Грузии, подготовившими новые профессиональные кадры, которые впоследствии будут задействованы во всех крупных проектах 1930–1950-х гг.: Г. Микаэлян (1909–1987), С. Сатунц (1910–1985), Г. Лежава (1903–1976), М. Чхиквадзе (1903–1987), М. Шавишвили (1894–1958), И. Чхенкели (1910–1981), А. Курдиани (1903–1988) и многие другие. В процессе обучения студенты постоянно участвовали в многочисленных экспедициях по изучению и обмеру памятников древнего грузинского зодчества под руководством Н. Северова.

Характерной на протяжении всех последующих десятилетий будет особенность повторения, воспроизведения главных установок, формулируемых изначально в Москве, но уже на местном грузинском уровне. Примечательно, что в современной тому времени печати и статьях подобные события интерпретируются как якобы самостоятельные и независимые инициативы. В первую очередь речь идет о реорганизации Тифлисской

**Илл. 2. Дом Заксовнаркома (впоследствии – здание ЦК КП Грузии).
Арх. Н. Северов, М. Калашников. 1929–1930.
Источник: <https://pastvu.com/>**

академии художеств во ВХУТЕИН в 1930 г. — в 1927-м аналогичный по своей задумке процесс произошел в Москве, когда ВХУТЕМАС был реорганизован во ВХУТЕИН — и об образовании в 1930 г. грузинской ячейки ВОПРА и других пролетарских объединений — в 1929-м сообразные процессы произошли в Москве. Таким образом, подчинение грузинской культурной политики условному центру было оформлено уже к концу 1920-х гг. Эта систематическая последовательность центру будет характерной чертой всех культурных, социальных и политических тенденций грузинской республики.

В непосредственной архитектурной практике на тот момент была относительная свобода. Главной архитектурной программой в середине 1920-х гг. становится историзм, выработанный еще на рубеже XIX–XX вв., в основе которого лежала ориентация на конкретные памятники грузинской архитектуры. Мотивы, отсылающие к формам грузинского зодчества Средневековья, создавались опытными академиками-исследователями грузинской культуры, хорошо изучившими соответствующие памятники архитектуры. Более того, они не просто хорошо знали и понимали эту архитектуру — она была им чрезвычайно дорога, вызывая личные переживания. «Архитектор вновь с большим художественным тактом использовал национальную форму», — писал академик Беридзе в 1915 г. об Анатолии Кальгине. «У него был сильный темперамент и “взрывной” характер. Любил грузинские памятники. Когда бывали у памятника, он очень экспансивно выражал свои чувства. Как-то в Самшвилде подошли к Сиони, я сказал: “Анатолий Николаевич, не правда ли, чудесная вещь?”. Он будто действительно взорвался: “Поррразительная! Изумительная! Смеррргельная!” И после паузы: “Ой-ой-ой, матушки!”» [1]. Не скрывал свою любовь к Грузии и Михали Калашников: «Он очень, очень любил Грузию, — вспоминает К. Фомин. — Всерьез примеривался к фамилии Хачапуридзе, рассматривая грузинское хачапури как эквивалент рус-

скому калачу. Гордился своим званием “заслуженный деятель искусств Грузии”, которое получил в 1947 году (до этого в 1945 году был награжден орденом “Знак Почета”)» [2]. То обстоятельство, что в ряды «национальных стилизаторов» влились кадры исследователей архитектуры прошлого, придало этому первому этапу стилизации черты «археологичности», связало его действительно с подлинными местными формами, а не с поверхностной стилизацией. Но это же обстоятельство придало этим школам и известную архаичность, так как те, кто изучал и обмерял местную архитектуру, нередко излишне, буквально следовали местным традиционным формам. В результате архитектура 1920-х гг. оставила лишь те сюжеты дореволюционной практики, которые отвечали актуальному запросу поиска и формирования нового стиля. В его основу легли разработанные формы древнегрузинской архитектуры и стилеобразующие принципы русского классицизма (санаторий «Либани» (1927), арх. М. Калашников). Именно эти архитектурные практики станут определяющими в грузинской архитектуре последующих десятилетий. Важно, что это было вовсе не стихийное «возрождение», как писал С. О. Хан-Магомедов, а просто усиление одной из стилеобразующих тенденций. Более того, это оказалось вполне логичным в условиях той «пост-колониальной» тенденции, которая охватила тогда большинство культурных практик национальных республик. Поэтому обращение в республиках в первые годы советской власти к национальному было определяющим. Традиционная архитектура стала символом национального престижа народа.

Тем не менее к концу 1920-х гг. все более явным оказывается влияние государственного запроса на архитектуру непосредственно. Это выразилось в конструктивистской практике. Формирование конструктивизма в Грузии сопровождалось рядом партийных установок, которые транслировались в местной печати («Заря Востока», «Рабочая правда» и другие). Была объявлена кампания за устройство так называемого нового социалистического быта, за создание дома-коммуны. Традиционными стали призывы к немедленному обобществлению быта, к прекращению строительства жилых домов с индивидуальными квартирами, объявляемым «безобразным, которому надо положить конец». В статье «Как строить новые дома для рабочих?» автор заявлял: «Рабочие требуют освободить их от “удобств” старого мещанского быта — от отдельных маленьких квартирок с собственными кухоньками, балкончиками и т. д.». Примечательно, что до этого ни о чем подобном в Грузии никогда не говорилось — это были новые и чужеродные для нее заявления, позаимствованные из Москвы. Но несмотря на утверждения в теории о новой концепции национальной формы в конструктивизме — в грузинской архитектуре дальше слов и программных заявлений дело не пошло — это оказались довольно типовые проекты, возводившиеся также и в Москве, и в других городах СССР, лишь с присутствием некоторой национальной атрибутики в виде, например, стрельчатых форм² (Илл. 1). Тем не менее, действительно, именно Дом Заксовнаркома Н. Северова (Илл. 2) является наиболее «национальным», будучи наглядным отражением идей статьи 1926 г. «Национальная архитектура народов СССР» Моисея Гинзбурга, напечатанной в журнале «Современная архитектура»: «Должны быть учтены все предпосылки, определяющие современное лицо Национальных Советских Республик: 1) предпосылки многовекового бытового и климатического характера, характера, определяющего индивидуальное национальное лицо Республики; 2) предпосылки нового социального уклада, новых форм строящейся жизни и завоеваний современной техники, являющиеся общими и единными для всего СССР, предпосылки, определяющие нарастание новых общесоюзных сил строящегося социализма» [18]. «Индивидуальным национальным лицом», которое помещено в пространство «новой формы» конструктивистской композиции, в этом случае становятся элементы открытых террас и балконов.

Примечательно, что даже за этот короткий период отношение в художественной теории, только начавшей свое «огосударствление», к стилеобразующим вопросам пережило несколько показательных метаморфоз от призыва выработки в архитектуре «национального лица Республики» (о котором, например, заявлял Моисей Гинзбург в 1926 г.) до полного игно-

Илл. 3. Грузинский филиал ИМЭЛС в Тбилиси. Арх. А. Шустев. 1933–1938. Фото автора

рирования национального вопроса в рамках освоения общепролетарской культурной практики: пролетарская и по содержанию, и по форме (о котором начали говорить ВОПРАВцы) [14].

Ряд событий всесоюзного масштаба 1932–1933 гг., определивших дальнейшее развитие советской архитектуры, оказались такими же значимыми и для Грузии. Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. положило конец «групповщине» на официальном уровне, которая фактически была ликвидирована уже к концу 1920-х гг. Отныне все заявления профессионального сообщества архитекторов становятся коллективным запросом партии – «голосом эпохи», который транслируется через сильно отредактированные теоретические положения, статьи в периодике и различные рецензии. Тем не менее именно этот «голос эпохи» стал определять архитектурную повестку последующих десятилетий, объясняя необходимость постоянно обращаться к опубликованным источникам тех лет.

Вместо ликвидированных многочисленных объединений и организаций в июле 1932 г. был создан Союз советских архитекторов, в котором руководящие посты получили вчерашние ВОПРАВцы. Никто из грузинских архитекторов в правление нового союза не вошел. В Грузии создание местного архитектурного объединения состоялось несколько позже. Лишь после появления Союзов советских писателей (1932), художников (1933) и композиторов (1933) в 1934 г. был учрежден Союз советских архитекторов Грузии³. На первом съезде архитекторов Грузии 15 февраля 1934 г. было утверждено правление союза. В правление были избраны архитекторы Н. Северов, А. Кальгин, Ю. Житковский, М. Шавишвили, М. Непринцев, скульптор К. Мерабишвили и другие.

В 1933 г. началась всеобщая реорганизация системы архитектурного образования, указывающая на все более ощутимые изменения архитектурной практики. Наиболее существенным

ее проявлением стало восстановление академии архитектуры. В Грузии подобные инициативы активно поддержали Я. Николадзе и Е. Лансере, в результате чего была восстановлена в своих правах Тифлисская академия художеств и при ней организовано среднее художественное училище. «Академия архитектуры должна вооружить творчески одаренные кадры молодых советских архитекторов глубокими знаниями и навыками для того, чтобы суметь ответить на задачи, превосходящие по своим масштабам и глубине содержания всё, что до сих пор создавалось мировой архитектурой» [17, с. 174]. Однако никто не мог дать конкретную формулировку тем задачам, которые устанавливались партией. Единственные ориентировки – это пространственные заявления Сталина, которые архитекторы пытались перевести в свою практику. Особенно популярным стал тезис о культуре, которая должна быть «социалистической по своему содержанию и национальной по форме», высказанный Сталиным на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. в рамках его программы коренизации⁴. Совершенно выхоленная и бессодержательная установка, из которой следовала лишь одна идея – необходимость учета национальных особенностей. Очень скоро это политическое заявление получает свое развитие в архитектурной теории. В 1932 г. в статье А. Михайлова⁵ «О реставраторстве и национальной архитектуре» осуждаются, с одной стороны, «реставраторство и эклектика» национальных республик, с другой, – игнорирование всякой национальной архитектуры, о котором говорил Гинзбург в 1926 г. В зодчестве теперь ставится совершенно недостижимая и непостижимая задача, которая приведет к появлению столь разных по своей концепции построек и проектов.

Другой вопрос, возникший в архитектурной повестке национальных республик, – отношение к классическому наследию, которое необходимо теперь осваивать. «Что же должно отличать наше отношение к древней классике и к национальному творчеству народов нашего Союза? Исключают ли классика

и национальное наследие друг друга и к чему нас практически обязывает овладение этим наследием?» [27, с. 1]. А. Щусев приходит к выводу, что не должно быть противопоставления «классики» и «национального». Соответственно, с целью избежать этого взаимоисключения классическая архитектура — ее формы, ее элементы — определяется как национальная. В качестве ориентира при выработке национальной формы выбирается Персия (реже — Египет), потому что эти культуры относятся к классическому наследию — к этой выборке. Более того, доказывается иранское влияние на грузинскую культуру, которое и подтверждает необходимость обращения именно к этой архитектурной традиции. Примечательно, что занимаются выработкой этой новой национальной формы преимущественно архитекторы из России (А. Щусев, В. Кокорин, В. Щуко, В. Гельфрейх).

Особенно показателен в этой логике архитектурного развития филиал Института марксизма-ленинизма в Тифлисе (А. Щусев, 1933–1938) (Илл. 3). Л. Каганович, не являясь профессионалом, все же отметил необычность для «традиционного» Щусева решение этого портика-лоджии, усмотрев, правда, в нем влияние Жолтовского [7]. Щусев же использует форму сдвоенных колонн, трактуя их в логике общей практики того времени. Спаренные колонны — характерный элемент «пролетарской классики» — творческая находка И. Фомина. И Щусеву, и Фомину они были необходимы для решения одним орденом здания в несколько этажей, причем зрительно создается впечатление монументальной опоры. Происхождение этой пропорциональной системы — Древний Египет и Персия. Щусев удачно и уместно акцентирует этот сюжет, уподобляя лоджию колоннадным композициям храма Хатхор в Дендере (I в. н. э.) и, что еще более вероятно, — Восточной лестнице Ападаны в Персеполе (V в. до н. э.). Примечательно, что впоследствии этот прием парных колонн

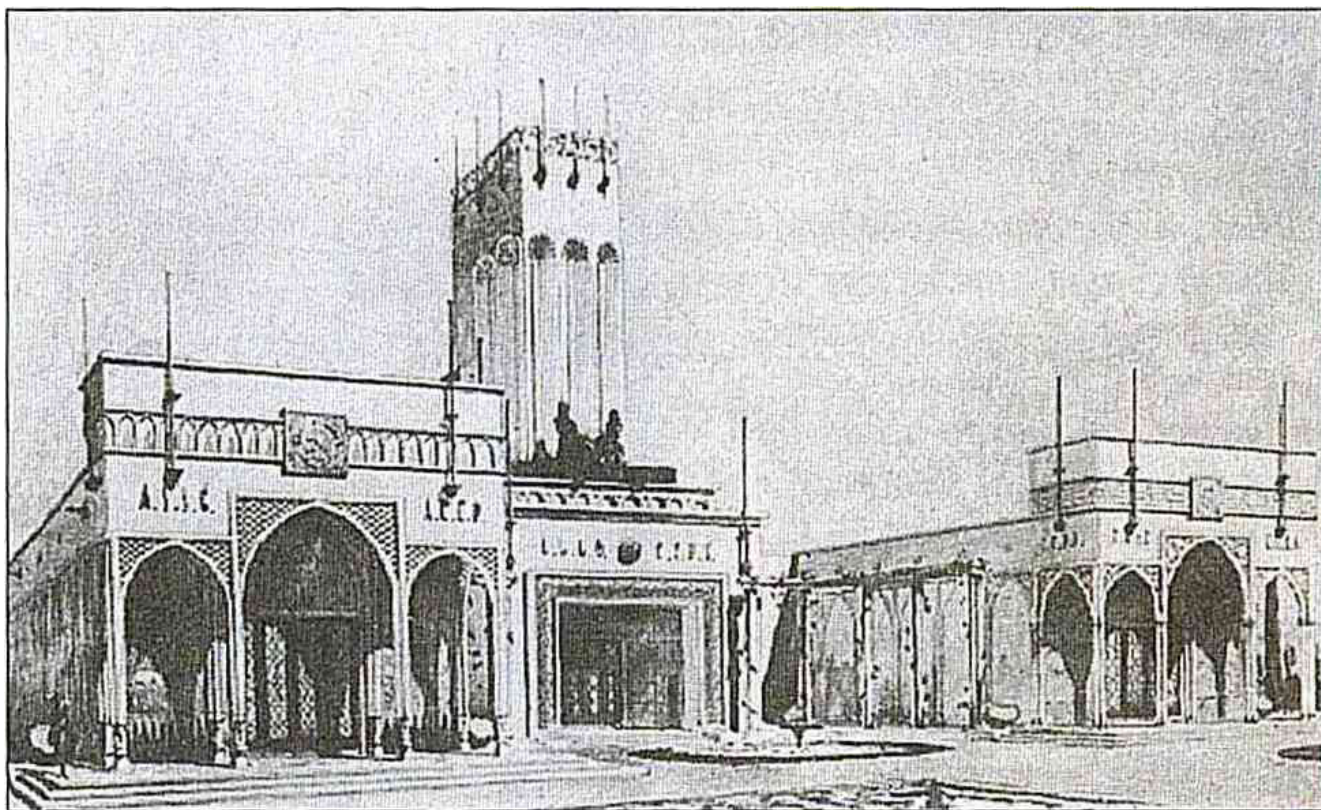
будет довольно часто применяться в грузинской архитектуре⁶, а уже после смерти Щусева подобная композиция будет объявлена как национальная в логике грузинской архитектуры⁷.

Конкурс на Дом Правительства Грузинской ССР в Тифлисе также характерен в контексте формирования национального стиля. В его результате в 1933 г. был рекомендован проект В. Кокорина, решенный вполне в духе того времени. Проект предполагал собой монументальный комплекс с системой внутренних дворов, которые, по словам самого архитектора, соответствуют национальному колориту Грузии [12]. Так как никакого национального стиля в грузинской архитектуре, как тогда считалось, не было — Кокорин обращается к определенному набору художественно-образных черт, которые якобы свойственны Грузии. Помимо системы внутренних дворов, национальным мотивом является персидское влияние на ее архитектуру [12], которое в проекте воплощено в виде арок и галерей. В действительности национальные мотивы оказываются слабо различимыми: обращение к формам персидской архитектуры было тогда повсеместным в отношении всей архитектуры Востока, к которой тогда относили и Грузию (скоро в республике она окажется под запретом). Система внутренних дворов — настолько распространенный прием в архитектуре, что относить его к какой-то конкретной культуре не представляется возможным (равно как и арку). В итоге проект В. Кокорина представляет собой здание, лишенное единства стиля, совершенно невнятное и стилистически неконкретное, где с трудом считаются композиционные центры и пространственные акценты (Илл. 4). Стоит добавить, что в контексте общей советской практики того времени этот проект оказывается вполне себе традиционным. Кокорин явно следует принципам своих учителей (А. Щусева и И. Жолтовского), которые также к тому моменту ничего нового в отношении национальных форм сформулировать не успели.

Илл. 4. Верхний корпус Дома Правительства Грузинской ССР. Арх. В. Кокорин, Г. Лежава. 1932–1938. Источник: <https://pastvu.com/>

Илл. 5. Проект павильона Закавказских республик на ВСХВ в Москве. Арх. М. Шавишвили, И. Чхенкели. 1937.
Источник: <https://stanislavspb.livejournal.com/7713.html>

Возведенный к 1939 г. лишь верхний корпус с его декоративной сдержанностью и геометричностью архитектурных форм соответствовал общей постконструктивистской тенденции той эпохи, которой следовал московский архитектор. Тем не менее сам план и общая П-образная композиция, гранитная облицовка цоколя, аркады и лоджии предстают совершенно типичными, отражая советскую архитектурную практику постконструктивизма того времени. Композиция с двумя выступающими боковыми ризалитами, оформленными лоджиями и декоративно выделенным центром – архитектурное клише той эпохи, массово применявшееся и в правительственных постройках (Дом Правительства Абхазской АССР, арх. В. Гельфрейх и В. Шуко, Дом Правительства Азербайджанской ССР, арх. Л. Руднев и О. Мунц), и в общественных сооружениях (Гостиница «Москва» (1935), арх. А. Щусев). Незавершенность самого проекта комплекса здания правительства в целом отражал отсутствие оформившейся стилистической концепции в грузинской архитектуре середины 1930-х гг.

Особенность заключается в том, что указанная архитектура определяется и называется всеми именно «национальным стилем». Кокорин открыто заявляет, что «говорить об определенном национальном грузинском стиле в архитектуре не приходится» [12]. Другими словами, ставилась задача создать этот «стиль» с нуля. То есть непосредственно разрабатывался новый национальный стиль, так как раньше никакого национального стиля в республиках и не существовало, – так было принято считать. А если кто-то и обращался к прошлому опыту грузинской архитектуры, он сразу обвинялся в «реставраторстве».

Архитектурная практика Грузии, сформировавшаяся к 1937 г., позволяет выявить ряд общих закономерностей, которые на первый взгляд мало чем отличаются от тенденций всего советского пространства того периода. Несмотря на уже озвученный тезис об архитектуре «национальной по форме», основной интерес направлен именно на «освоение («присвоение» с точки зрения власти) классического наследия». Кристаллизация сти-

ля, выраженная в постоянной корректировке партийного запроса, происходила постепенно. Именно отсутствие общепринятой архитектурной теории и объясняет столь разнообразный подход к восприятию классики, отмеченный и в Грузии. Результатом этого стали аллюзии на неогрек, обращения к формам модернизированной неоклассики и к собственной дореволюционной практике классицизма. Все эти поиски не были самостоятельными – очевидна ориентация на московскую программу освоения классики. Стремление к синтезу искусств – наиболее характерный симптом этого явления. Из «наследия» отбирается только то, что «разрешено» критикой, создаваемой на ходу вечно корректируемой архитектурной теорией. При этом теории как таковой нет – есть лишь набор образцов, по которым можно определить выдвигаемый запрос. К «положительному» наследию стали относить Древнюю Грецию, Рим, Ренессанс, русский классицизм, а также мотивы Египта и Персии в отношении Закавказья и среднеазиатских республик. Модерн оказывается под запретом – игнорируется он и в Грузии, несмотря на его довольно широкое наследие в местной архитектуре. Особенно явно эта беззастенчивая оглядка грузинских архитекторов на центр прослеживается в отношении новых типов архитектуры – многоквартирных жилмассивов. Практика строительства жилых домов – наглядный пример тенденции типизации и стандартизации в архитектуре, которая началась проявляться уже в 1930-е гг. Ее результатом было полное игнорирование не просто национальных мотивов местной архитектуры, но также вопросов удобства проживания и быта, связанных с природно-климатическими особенностями. В этом случае оказывается характерной некоторая робость и нерешительность местных архитекторов (общая черта психологии архитекторов, выработанная к тому времени, – неуверенность, на которую указывал Д. С. Хмельницкий) – нежелание поставить собственную архитектурную мысль выше московской, даже если дело касается необходимых жизненных условий.

Национальный стиль в этот период воспринимается в первую очередь как еще одна интерпретация внутри класси-

ки. Для Грузии, равно как и для других республик Закавказья и Средней Азии, речь идет именно о классике Востока. Мотивы айванов-лоджий, стрельчатые формы, композиции открытых и внутренних дворов – все это сформировало стиль «ориенталистского ар-деко». Термин намеренно подчеркивает колониальный характер этого стиля, авторами которого являлись преимущественно русские архитекторы. Считалось, что никакого национального стиля в республиках и не существовало. Другими словами, прямая преемственность с древнегрузинской архитектурой исключалась. В связи с этим архитекторы искали именно в классическом наследии формы и мотивы, которые могли соответствовать грузинскому «колориту». Феномен колониального подхода – этот «колорит», выраженный в культурной специфике и художественно-образных чертах стиля, выявляют не местные архитекторы. В результате, первые попытки создания национального стиля осуществляются московскими зодчими. В самой Грузии подобные явления встречают серьезное неприятие со стороны профессионального сообщества. При этом использование мотивов непосредственно из грузинской средневековой архитектуры или ее народной традиции отмечено лишь в отношении некоторых форм декора в сооружениях, окончательно построенных после 1937 г. Вполне возможно, что эти сооружения впоследствии «дооформлялись» национальными элементами, получая композиции низких аркад, характерные капители, а также наличники окон и порталов.

Наглядным примером «колониального» подхода в грузинской архитектуре в логике «ориенталистского ар-деко» стал павильон ЗСФСР на ВСХВ (Илл. 5). Проект павильона закавказских республик был составлен учениками М. Непринцева – М. Шавишвили и И. Чхенкели – грузинскими классицистами, воспринявшими традиции советского ар-деко. Стандартная П-образная композиция соответствует архитектурной программе выставочных павильонов того времени: обязательный акцент вертикали за счет башенного объема, геометризация форм, ступенчато-каскадная организация ярусов. Стилистически – традиционный для того времени обобщенный принцип трактовки архитектуры Закавказья в обработке восточными мотивами: стрельчатые мотивы аркад и аркатуры, а также элементы

мукарнаса. О традиционных формах грузинского зодчества нет и речи. Возведенный в июле 1937 г., павильон фактически сразу перестал соответствовать только что сменившейся культурной политике. Все это и привело к необходимости возведения новых павильонов – отдельных для каждой из республик Закавказья, которые будут отражать уже иную архитектурную программу.

Образцовой классикой стиля этого периода официально объявляются наиболее монументальные постройки, выполняющие важную политико-идеологическую функцию: дворцы советов, национальностей, культуры, дома правительства и театры. Именно они были главным предметом правительственной заботы и финансирования. Здание ИМЭЛ А. Шусева, Верхний корпус Дома Правительства В. Кокорина в Тбилиси – они называются лучшими достижениями грузинской архитектуры. Примечательно, что ни композиция, ни общая стилистика этих построек не будут восприняты впоследствии грузинскими архитекторами. Тем не менее неизменным останется подход, художественный метод, выработанный в первую очередь А. Шусевым (его ИМЭЛ будет признаваться образцом стиля до середины 1950-х гг.). Метод, основанный на использовании архетипических приемов и мотивов, создающих неопределенную ассоциативную образность-колорит с использованием классического архитектурного вокабуляра. В отношении Грузии воплощается национальный стиль, которому свойственны несколько подчеркнутая геометричность, стройность и своеобразная элегантная строгость. Выявление ряда характерных для грузинской архитектуры черт (роль лоджий и террас, значение стены, место рельефов в раскрытии архитектурного образа, применение отдельных декоративных мотивов и т. д.) при классической основе композиции было сочтено достаточным для создания национального по форме произведения («классическая архитектурная тема» сливается с «национальными мотивами»). Многие тем не менее подчинялись заранее выработанной схеме создания монументального сооружения, где ряд мотивов приобретает чисто формальный характер. Этот архитектурный подход, сформированный именно в логике постконструктивизма, станет стилеобразующим в грузинской архитектуре в последующие десятилетия.

Примечания:

¹ Дом связи в Тбилиси (1932–1933), арх. К. Соломонов; Дом Заксовнаркома (впоследствии – здание ЦК КП Грузии) (1929–1930), арх. Н. Северов при участии М. Калашникова.

² Здание редакции и издательства «Заря Востока» (1929), арх. Д. Числиев.

³ Для сравнения другие республиканские отделения появились относительно раньше: Союз архитекторов Армянской ССР образовался в 1932 г., Украинской ССР – в 1933 г., Тем не менее Союз архитекторов Белорусской ССР был образован только в 1935 г., Союз архитекторов Азербайджанской, Казахской ССР – в 1936 г.

⁴ Впервые была предложена И. Сталиным на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г.

⁵ А. И. Михайлов – искусствовед, теоретик архитектуры, член-учредитель ВОПРА, один из основных критиков советского архитектурного авангарда.

⁶ Театр в Кутаиси (1955), арх. Ш. Тавадзе, М. Шавишвили.

⁷ Впервые такие утверждения стали возникать после смерти Шусева в монографиях 1950-х гг., где заявлялось, что композиция спаренных колонн исходит из традиции грузинского народного зодчества.

Список литературы:

1. Геджадзе В. Тбилиси в минувшем столетии // Тбилисская неделя. URL: <https://tbilisi.media/cultures/23619-tbilisi-v-minuvshem-stoletii/> (дата обращения: 20.03.2020).
2. Герсамя Т. Ясная и любимая душой цель // Русский клуб. URL: http://www.rcmagazine.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=411&Itemid=1 (дата обращения: 22.03.2020).
3. Гинзбург М. Я. Проект парка культуры и отдыха в Тифлисе // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 35–42.
4. Джанберидзе Н. Ш. Архитектура Грузии от истоков до наших дней. М.: Стройиздат, 1976. 230 с.
5. Джаши Н. У. Грузинская советская архитектура (на примере Тбилиси). Тбилиси: Заря Востока, 1956. 150 с.
6. Инциквели А. С. Об архитектуре Грузии // Архитектурная газета. 1936. № 8. С. 2.
7. Казанович Л. М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996. 570 с.
8. Калашников М. Г. На берегах Куры // Архитектурная газета. 1936. № 58. С. 2.
9. Квирквелия Т. Р. Архитектура Советской Грузии. М.: Стройиздат, 1986. 317 с.
10. Косенкова Ю. Л. Города Грузии в 1920–1930-х годах. К проблеме изучения местных особенностей советского градостроительства // Архитектурное наследие. 2017. № 67. С. 218–232.
11. Кинцурашвили С. Ш. Архитектура Советской Грузии. М.: Стройиздат, 1974. 136 с.

12. Кокорин В. На проспекте Шота Руставели // Архитектурная газета. 1938. № 62. С. 2.
13. Лансере Е. Е. Дневники. Книга вторая. М.: Искусство — XXI век, 2008. 762 с.
14. Маца И. Л. Советское искусство за 15 лет. Материалы и документация. М.; Л.: ОГИЗ, 1933. 663 с.
15. Роговский В. Съезд архитекторов Грузии // Архитектурная газета. 1936. № 13. С. 4.
16. Рзынин М. И. Вопросы освоения классического наследия в архитектурной практике национальных республик СССР // Архитектура СССР. 1953. № 4. С. 27–35.
17. Самойлов А. В. Строительство дворца правительства Грузии // Социалистическое хозяйство Закавказья. 1934. № 8. С. 167–183.
18. Сахурия Г. С. Кура — транспортная магистраль города // Социалистическое хозяйство Закавказья. 1934. № 9. С. 161–164.
19. Северов Н. В. Архитектура Тбилиси // Архитектура СССР. 1941. № 1. С. 1–14.
20. Селиванова А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: БуксМАрт, 2019. 320 с.
21. Сумбадзе Л. З. Реконструкция Тбилиси // Архитектурная газета. 1936. № 70. С. 3.
22. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.
23. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 294 с.
24. Хмельницкий Д. С. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-традиция, 2007. 560 с.
25. Щусев А. В. Национальная форма в архитектуре // Архитектура СССР. 1940. № 12. С. 56.
26. Щусев А. В. Строительство курорта «Псырцха» в Абхазии (бывш. Новый Афон) // Архитектура СССР. 1936. № 12. С. 24–28.
27. Щусев А. В. Проблемы национальной архитектуры Советского Востока // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 1–4.
28. Anderson R. Russia: Modern Architectures in History. London: Reaktion Books, 2015. 356 p.
29. Colquhoun A. Modern Architecture. Oxford: Oxford University Press, 2002. 287 p.
30. Sudjic D. The Edifice Complex: How the Rich and Powerful Shape the World. New York: Penguin Press, 2005. 403 p.

References:

- Anderson R. *Russia: Modern Architectures in History*. London, Reaktion Books Publ., 2015. 356 p.
- Colquhoun A. *Modern Architecture*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2002. 287 p.
- Curtis W. J. R. *Modern Architecture since 1900*. London, Laurence King Publ., 1996. 736 p.
- Dzhanberidze N. Sh. *Arkhitektura Gruzii ot istokov do nashih dnei (Architecture of Georgia from Its Origins to the Present Day)*. Moscow, Stroizdat Publ., 1976. 230 p. (in Russian)
- Dzhashi N. U. *Gruzinskaia sovetskaia arkhitektura (Georgian Soviet Architecture)*. Tbilisi, Zaria Vostoka Publ., 1956. 150 p. (in Russian)
- Gedzhadze V. Tbilisi in the Past Century. *Tbilisskaia nedelia (Tbilisi Week)*. Available at: <https://tbilisi.media/cultures/23619-tbilisi-v-minuvshem-stoletii/> (accessed 20 March 2020). (in Russian)
- Gersamiia T. A Clear and Beloved Soul Goal. *Russkii klub (Russian Club)*. Available at: http://www.rcmagazine.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=411&Itemid=1 (accessed 22 March 2020). (in Russian)
- Ginzburg M. Ia. Project of the Park of Culture and Recreation in Tiflis. *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, 1935, no. 9, pp. 35–42 (in Russian)
- Intskirveli A. S. About the Architecture of Georgia. *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, 1936, no. 8, p. 2. (in Russian)
- Kaganovich L. M. *Pamiatnye zapiski (Aide-Memoire)*. Moscow, Vagrius Publ., 1996. 570 p. (in Russian)
- Kalashnikov M. G. On the Banks of Kura. *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural newspaper)*, 1936, no. 58, pp. 2–6. (in Russian)
- Khan-Magomedov S. O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda. Kn. 1. Problemy formoobrazovaniia. Masters i techeniia (The Architecture of the Soviet Avant-garde. Book 1. Problems of Formation. Masters and Currents)*. Moscow, Stroizdat Publ., 1996. 709 p. (in Russian)
- Khlevniuk O. V. *Politbiuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 1930-e gody (Politburo. Mechanisms of Political Power in the 1930s)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 294 p. (in Russian)
- Khmel'nitskii D. S. *Arkhitektura Stalina. Psikhologiia i stil' (Architecture of Stalin. Psychology and Style)*. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2007. 560 p. (in Russian)
- Kincurashvili S. Sh. *Arkhitektura Sovetskoi Gruzii (Architecture of Soviet Georgia)*. Moscow, Stroizdat Publ., 1974. 136 p. (in Russian)
- Kokorin V. On Shota Rustaveli Avenue. *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, 1938, no. 62, pp. 2–7. (in Russian)
- Kosenkova Iu. L. Cities of Georgia in the 1920s – 1930s. On the Problem of Studying Local Features of Soviet Urban Planning. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 2017, no. 67, pp. 218–232. (in Russian)
- Kvirvelia T. R. *Arkhitektura Sovetskoi Gruzii (Architecture of Soviet Georgia)*. Moscow, Stroizdat Publ., 1986. 317 p. (in Russian)
- Lansere E. E. *Dnevnik. Kniga vtoraiia (Diaries. Book Two)*. Moscow, Iskustvo — XXI vek Publ., 2008. 762 p. (in Russian)
- Maca I. L. *Sovetskoe iskusstvo za 15 let. Materialy i dokumentatsiia (Soviet Art for 15 years: Materials and Documentation)*. Moscow, Izgiz Publ., 1933. 663 p. (in Russian)
- Rogovskii V. Congress of Architects of Georgia. *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, 1936, no. 13, pp. 4–9. (in Russian)
- Rzyanin M. I. The Development of the Classical Heritage in the Architectural Practice of the National Republics of the USSR. *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, 1953, no. 4, pp. 27–35. (in Russian)
- Sakhuriia G. S. Kura – the Transport Highway of the City. *Sotsialisticheskoe khoziaistvo Zakavkaz'ia (Socialist Economy of Transcaucasia)*, 1934, no. 9, pp. 161–164. (in Russian)
- Samoilov A. V. Construction of the Palace of the Government of Georgia. *Sotsialisticheskoe khoziaistvo Zakavkaz'ia (Socialist Economy of Transcaucasia)*, 1934, no. 8, pp. 167–183. (in Russian)
- Selivanova A. N. *Postkonstruktivizm. Vlast' i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR (Postconstructivism. Power and Architecture in the 1930s in the USSR)*. Moscow, Buksmart Publ., 2019. 320 p. (in Russian)
- Severov N. V. Architecture of Tbilisi. *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, 1941, no. 1, pp. 1–14. (in Russian)
- Shchusev A. V. Construction of the “Pсыrtskha” Resort in Abkhazia (Formerly New Athos). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, 1936, no. 12, pp. 24–28. (in Russian)
- Shchusev A. V. National Form in Architecture. *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, 1940, no. 12, p. 56. (in Russian)
- Sudjic D. *The Edifice Complex: How the Rich and Powerful Shape the World*. New York, Penguin Press Publ., 2005. 403 p.
- Sumbadze L. Z. Reconstruction of Tbilisi. *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, 1936, no. 70, p. 3. (in Russian)